

О ДУШЕ, ЧУВСТВАХ И СЛОВАХ

Я родился 30 августа 1940 года в Москве. Не причуда судьбы, но война тому причиной, что среднюю школу я закончил в райцентре Шилово Рязанской области. Это благодатное место на берегу полноводной Оки и есть, наверное, моя истинная малая родина — где прошли мои школьные годы.

Будучи болезненным с рождения, с 12 лет по настоятельному совету врача-фронтвика Ольги Владимировны Любомировой серьезно занялся лыжами, благо вставать на них можно было сразу за калиткой двора нашего дома, где до революции жил знаменитый на всю округу помещик Подлазов: двухэтажный, с балконом на деревянных колоннах. Уже нет ни Ольги Владимировны, ни того дома, ни нашего любимого учителя физкультуры Валерия Прокопьевича Макарова, благодаря которому я смог стать не только здоровым, но и относительно неплохим спортсменом. Остались только добрые воспоминания да стихотворения с памятью тех лет.

Природа не одарила меня ни многосторонними талантами, ни ростом, ни статью. Но, по обыкновению того времени, в молодости я многое испробовал: приходилось работать монтером, слесарем-сборщиком на конвейере завода «Рязельмаш». В школьные годы играл на гармонии, гитаре, на домре в оркестре народных инструментов, в институте — в студенческом театре эстрадных миниатюр. Кроме лыж, занимался легкой атлетикой, плаванием, играл в баскетбол, прыгал с парашютом, увлекался туризмом.

Хорошо помню, что каждое школьное лето ездил на пароходе по Оке в Спасск-Рязанский к бабушке Анне Васильевне, вдове потомственного кузнеца Федора Андреевича Лазарева, по рассказам богатерского сложения и силы. А я, наверное, пошел «мастью» в отца, выходя из архангельских крестьян. На родине его побывать не пришлось. А вот Спасск, что в нескольких километрах от Старой Рязани (и в 50 километрах вверх по Оке от Шилова), которую воевал Батый в лихом для Руси XIII веке, тоже не делил от страны детства — воистину былинной земли. Под Шиловом, по местному преданию, родился и похоронен Добрыня Никитич. Первый памятник легендарному земляку Евпатию Коловрату поставлен тоже в Шилово. А в Спасске-Рязанском (на его месте в древности был лесистый, болотистый полуостров) в свое время спаслись те немногие уцелевшие от нашествия орд Батыя. Валу

50-летие Орловской писательской организации

30 августа 2010 года исполнилось 70 лет руководителю Союза писателей Орловской области Геннадию Попову. Геннадий Андреевич — талантливый поэт и просто интересный человек — накануне юбилея рассказал «Орловскому вестнику» о своем творческом пути.

Старой Рязани с детства в памяти моей. В поэме «Три вяза» я рассказал, как мог об этом.

Отец мой, Попов Андрей Матвеевич, умер еще в 1963 году. Это был светлый, честный и по-крестьянски мудрый человек. Слава богу, когда еще была жива моя мать Клавдия Федоровна (скончалась в 2004 году в возрасте 95 лет), я успел посвятить ей одно-единственное стихотворение. Но — еще большой должник как поэт перед родителями и останусь таковым до конца дней своих, потому как «не умею» писать ни «по долгу», ни «на заданную тему».

И сегодня часто бываю на Рязанщине и каждый раз привожу новые строки. Те приокские места были и все ещё, пожалуй, остаются одним из главных истоков желания говорить стихами, которые я начал писать еще в школе, думается, класса с пятого. Но первое стихотворение мое было опубликовано только в начале семидесятых, а первая самостоятельная книга вышла в 1990 году. Одна орловская газета как-то написала, что к своей первой книге я шел тридцать лет. По большому счету, так оно и есть: свое самое раннее состоявшееся стихотворение отношу к 1958-1960 годам.

Рукопись своей действительно первой книги я подготовил в 1972 году, когда жил в Осетии. Тепло вспоминаю первого профессионального поэта, просмотревшего мои стихи и успешного довольно много мне сказать за период нашего недолгого знакомства. Это был (увы, ныне покойный) известный осе-

тинский поэт Георгий Гагиев — один из выпускников первого выпуска Литинститута им. Горького. Помню, как на мой вопрос, почему он, прекрасно владеющий русским языком, пишет стихи только на осетинском, Георгий ответил: «Я не только думаю, но и вижу, слышу, ощущаю мир по-осетински».

И все же я благодарен случаю, что не была издана та первая рукопись: потерялась при переезде в Орел. Зато сегодня у меня нет ни одного стихотворения, вышедшего к читателю, содержания которого заставляло бы устыдиться (т.е. написанного нутажно, неискренне), даже ни одной, как говорится, «паровозной» строки, надоесть, нет. Все публикации состоялись при благожелательном отношении или уже в «неподцензурные» времена. И это — моя счастливая звезда, а не пустое бахвальство. Более того, некоторые книги оказались возможным выпустить в собственной редакции. Правда, теперь я лишний раз убедился, что редактор все-таки непременно нужен, хотя бы как читатель, мнение которого еще способно помочь автору избежать неточностей, а то и явных глупостей. Ибо верно сказано, что подчас «у себя в глазу и бревно не разглядишь».

В 1964 году я закончил Рязанский радиотехнический институт (ныне — одноименная академия). По своей инженерной специальности работал в Рязани, в Орджоникидзе Северной Осетии, а с 1974 по 1995 год — в Орле, где живу по настоящие дни. Работая в электронной промышленности, а затем и на «свободных писательских хлебах», много ездил и езжу по стране в командировки — еще одно из моих счастливых жизненных обстоятельств. На литературную

работу ушел, будучи главным инженером в недавнем прошлом одного из лучших крупных электронных предприятий страны (электроника тогда перестала быть в России приоритетом). Глубоко убежден, что это одна из самых воистину трагических страниц отечественной промышленности конца XX века, одна из покосившихся сегодня корневых опор державного фундамента — оборонного комплекса. Я не раз говорил и писал об этом. Но Россия была, остаётся и будет великой державой. А значит, надеюсь, что и мой скромный личный тридцатилетний инженерный труд, так или иначе, не останется всеу. Возможно, весьма поздно, но я поверил себе как литератору и занимаюсь сегодня любимым делом. Но было бы лукаво не сказать, что тридцать лет работы в электронике — это тоже моя судьба. Может, поэтому хотелось бы издать книгу своей публицистики: кроме статей думаю включить в нее и «публицистические» стихотворения. Хотя среди них (стихотворений), сам удивляюсь, но почти ни слова о моем инженерном прошлом: только одно стихотворение (впрочем, о спорте — тоже одно). О своих планах на будущее все сказал в стихотворении «На горюшке сидела птаха...»: ...лесни наши не долеты о самом близком и родном.

Геннадий ПОПОВ

НА МОГИЛЕ ПОЛОНСКОГО

Забрел сюда случайно, брат,
От разных мыслей невеселых.
Стою, невольно виноват,
Средь листьев,
ветром принесенных.

Валам рязанского кремля
К лицу несошенные травы.
Вымает древняя земля
Речам плетившей отравы.
В краю задумчивой Оки
С берез слетает разноцветье.
Плетяет след моей строки,
Витают дух былых столетий.
Осенний день берет разгон...
За реку на луга и чащи

Слетает колокольный звон
Церквей, по-прежнему
молчаливых.

Взыскующий небесный звук...
Как будто мир в своих маленях,
Не покладая лбов и рук,
Стоит смиренно на коленях.
Но сердцу слышится набат...
Титун на мой язык постылый!
Прости, поэт, прости, мой
брат,

И вы — живые и могилы.
1992 г.

БУНИН В ОРЛЕ

«Думаю, что я был хорошим моряком...»
И.А. Бунин. «Бернар»

В Одессе между небом и валною
Качались пассажирские суда.
Отверженные Богом и войною
Грузились в неизвестность,
навсегда.

На греческом наемном пароходе
Французский полосатый
влялся флаг.

А русский Бунин думал
о народе...
По крайней мере, вероятно, —
так.

Наверно, и о том, с каким
размахом
Устои сокрушили на Руси...
Поруаинная, скованная страхом
Земля зывала к Господу:
«Спаси!»

И, новой власти сердцем
не приемля,
Он уезжал, не зная сам куда.
Он покидал навеки эту землю...
Грузились пассажирские суда.
Неведомо, неотвратимо-
властно

Ждала его великой славы медь,
И нищета, и тягостная
астма,
И доля на чужбине умереть...
В музее Бунина

в обширпной жестянке
Хранится недокуренный табак:
Когда последний рейс пробили
склянки,

Его курил прославленный моряк.
Он в бронзе возвратился,
значала
Где должен был остаться
на века:

Встал памятник
к орловскому причалу
Писателю с судьбою моряка.

Писателю с судьбою моряка.

ОСЕНЬ НА 2-Й ПУШКАРНОЙ В ОРЛЕ

Парящий мост и плоские
деревья,
Прозрачность остывающей
поры...

Покорно дремлет на закате
время,
Похожее на старые дворы.
Старинный дом на улице
Пушкарной,

Андреевские память
и строка...
Все отразилось в осени
янтарной,
Все на земле осталось на века.
1995 г.

1995 г.

БЕРЕГ

Здесь туман над росой,
Ветер бродит босой
Над песчаной косою —
Золотой полосой.
Где ходили тогда —
Не осталось следа.
А речная вода
Утекла в никуда.
Все волна унесла...
И тропы заросла.
Только память спасла
Лунный ответ весла.

Редакция «ОВ» присоединяется к поздравлениям руководителю писательской организации Орловской области, Геннадию Андреевичу, счастья, здоровья, долгих лет успешного творчества.